

The book cover features a stylized illustration. In the foreground, a man in a dark suit and hat runs towards the left, carrying a blue bag. He is surrounded by numerous white birds in flight. In the background, a steam locomotive with a star on its front is on a railway track, moving towards the right. The sky is a mix of brown and blue, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is graphic and evocative.

Шорт-лист премии «Писатель года» за 2017 год

Семён Морозков

Кто ты,
ЧЕЛОВЕК?

роман

РАССКАЗЫ И НОВЕЛЛЫ

18+

Семён Морозков
Кто ты, человек?

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Морозков С.

Кто ты, человек? / С. Морозков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

«Кто ты, человек?» - роман, в котором за динамично развивающимся детективным сюжетом, до определенного момента скрывается большое и серьезное авторское размышление о месте человека в мире, в истории. Проходят десятилетия, но главные вопросы этики остаются неизменными; человек всё также выясняет отношения с эпохой, в которой ему выпало жить; с обстоятельствами, которые его преследуют и которые он сам создаёт. Роман прочитывается за вечер, а думаешь о нем долго и с удовольствием. Журналист, Основатель проекта "Открытая библиотека. Диалоги", "ЕЩЕНЕПОЗНЕР" Николай Солодников

© Морозков С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Кто ты, человек?	5
Командировка	6
Толя Сахаров	8
Москва	9
На Ярославском вокзале	11
Приятная компания	12
В вагоне-ресторане	14
Осенью 1957-го	16
Мы едем, едем, едем	18
Я червь	22
Я рыба	23
Литерный 14 «А»	24
Перед прибытием	26
Спецвагон, 19:00	30
Станция Ярославль, 20:30	31
Я чайка	35
Я утка	36
Быть или не быть?	37
Я собака	38
Я кот	39
Вот это был бы гром...	40
Странная встреча	41
В поезде, во время эвакуации	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кто ты, человек?

Мы источник веселья – и скорби рудник.

Мы вместилище скверны – и чистый родник.

Человек, словно в зеркале мир – многолик.

Он ничтожен – и он же безмерно велик!

Омар Хайям

Командировка

– Да, хорошо. Я обещаю... А вы точно дадите четыре полных комплекта? Нет, сможет приехать только на неделю. И так все майские потеряли... Ну десять дней, дольше никак, он мне самому тут нужен... Да понял, я, по-онял. Горшков не обманет. Тогда будет вам спец, он и заберет... Да, точно будет... Да говорю вам: лучший мой инженер-механик!

– Да твою ж дивизию! – председатель со злостью швырнул эбонитовую трубку, аппарат звякнул напоследок, и Горшков отвернулся к окну. На шум приоткрылась дверь кабинета, секретарша робко заглянула в щель, ожидая указаний. Горшков резко махнул рукой вниз – дверь тут же затворилась.

Анатолий Сахаров заерзал на потертом венском стуле. «А, вот зачем вызывал. В командировку пошлет» – догадался он.

Председатель колхоза нервно выхаживал по кабинету.

– Короче, Толя, тебе в Ярославль поехать придется. Там у них машинно-тракторная на запуске, проблемы на автозаводе с новыми гусеничными тягачами. Вообще вопросов тьма тьмущая, понимаете ли... Совнархоз требует отрядить лучшего спеца с «места», так сказать, на неделю-другую. Ну ты и сам все слышал.

Горшков остановился у окна, два раза постучал кúрккой¹ папиросы о подоконник. Со стены неулыбчивый портрет Хрущева с родинкой на щеке буравил спину и словно требовал: «смотри у меня, председатель, не подведи!» Вдруг родинка зашевелилась, со щеки вождя на председательский стол спикировала муха. Родинка на портрете осталась. Горшков закурил.

– Да едрить их в качель. Нет, Толя, как будто эт я придумал садить кукурузу вместо ржи. А то, что я второй год прошу в области хоть какие-то запчасти для техники, и что теперь с такой зимой под угрозой план по зерновым – разбирайся как хошь. Пишу, звоню, езжу, выпрашиваю, а область в ответ требует послать еще и специалиста в Ярославль...

Анатолий открыл было рот, но Горшков, повысив голос, продолжил:

– Однако запчасти тогда у нас будут даже раньше, чем у соседей. Поедешь, – отрезал. – Привезешь самолично, все под твою роспись выдадут! И никаких гвоздей. Ну, что хотел сказать-то?

– Я это самое, поеду, конечно. Не волнуйтесь, Михал Васильч. Все сделаю... А можно через Москву? – выпалил давно заготовленную просьбу Анатолий.

– Чего «через Москву»? – резко повернулся Горшков.

– Ну мне бы день-другой в Москве... Это самое... Лекция там в обществе «Знание» как раз вроде по субботам. Приглашения который год шлют, а я все никак в отпуск не уйду. Дай пару дней, Васильч, а-а? – попросил Сахаров.

– Да растудить твою через коромысло! Торговаться вздумал, Анатолий, а-а..?! – передразнивая Толю, Горшков скривил рот. – Ну что будешь делать – и ты туда же. Москва – значит время терять да кругалю давать в Ярославль через столицу. Здо-орово придумал.

Из мутного графина председатель налил в стакан остатки кипяченой воды – уже с осадком – выпив залпом, чуть успокоился. Тыльной стороной ладони обтер уголки рта.

– Я быстро, тем более на выходные же приходится. Заодно в Ярославле им и лекцию по механике могу прочитать, – не унимался Сахаров, – наладим же связь. Запчасти сам привезу. А? Не подведу, Васильч!

– Наш пострел везде поспел? – примирительно откликнулся Горшков. Пустил сизый клуб дыма в открытую свежевыкрашенную форточку. Закашлялся... – Черт с тобой. За свой счет в

¹ Кúрка – часть гильзы папиросы, заполненная табаком.

Москву – даю два дня. Как хошь, но чтоб в понедельник восемнадцатого был у них на автозаводе как штук. Все там порешаешь, запчасти заберешь и числа двадцать седьмого, ну к двадцать девятому самый край, обратно. Уразумел? Сейчас телеграмму отправим, чтобы встречали. Собирайся. Завтра едешь.

Уже у самого выхода из кабинета Горшков окликнул Анатолия:

– Да, Толь, ты в Москве поезжай в общежитие обувной фабрики Капанова, что на Пресне. Скажешь, от меня, всего на ночку.

Анатолий, улыбаясь, бодро вышел из кабинета. Радостный, даже приобнял оторопевшую от неожиданности, секретаршу. Прижимая к себе охапку картонных папок, Зинаида пробурчала в сторону:

– То телефонами стучат, руками машут да цыкают, то обниматься лезут, как на праздниках. Не поймешь это начальство малохольное.

Майский вечер никак не отпускал с горизонта рыжее солнышко. На душе было легко, как-то празднично. Сахаров достал из шкафа выходную сорочку, поставил греться на электроплитку чугунный утюг. Он открепил от стены приклепнутые кнопками приглашения на лекции общества «Знание». По книжке мероприятий на 1959 год сверил даты их проведения и довольный полез на чердак за старым отцовским чемоданом.

Толя Сахаров

Так уж вышло, что его, детдомовца без роду и племени, усыновил ныне покойный Петр Ильич Сахаров. Случилось так: молодой Петя Сахаров и его невеста Настя студентами Нижегородского народного университета приехали по разнарядке на комсомольскую стройку в Ижевск. Однажды заглянули в один из местных детских домов, организованный Советской Властью – вместо ею же закрытого царского Ольгинского приюта. Там Петя увидел кареглазого малыша лет пяти. Он увез мальчика с собой, и Толя навсегда поселился у бездетной четы Сахаровых. Вскоре Настя начала учительствовать в сельской школе, вела и уроки музыки. Она стала для Толи хорошей матерью. Было это в далеком 1922-м году.

Толик хорошо учился, в неполные шестнадцать освоил трактор «Форзон», а уж когда папку назначили директором колхоза – одним из первых вступил в комсомол. Сахаровы не просто пригрели сироту, они полюбили Тольку и смогли стать для него настоящими родителями. Молодые родители привили сыну интерес к книгам и музыке. В семье был патефон, а к нему всего одна, но совершенно замечательная грампластинка – американская, дореволюционная, фирмы *Amour Gramophone Record* с записью песен в исполнении Федора Шаляпина. Семья любила ее слушать субботними вечерами.

Читал Толя много, жадно и почти без разбору. Школьная библиотека стала его любимым местом. Ее основу составляли книги, вывезенные из старой барской усадьбы инженера Перфильева. В старших классах парень всерьез заинтересовался наукой.

В тридцать пятом году он упросил отца отпустить его учиться и за тысячу верст поехал поступать в Ленинградский Краснознаменный химико-технологический институт. С учебой все поначалу складывалось хорошо... Второй раз Толик лишился родителей в тридцать восьмом, вот из-за этих самых библиотечных – читай «контрреволюционных» – книг. По анонимному доносу виновными определили председателя колхоза и его жену.

Толю Сахарова, как сына врагов народа, моментально отчислили с третьего курса института. Хорошо – не посадили, но только потому, что тот три года домой не приезжал, и еще стране нужны были образованные специалисты. Толя Сахаров, тракторист по первой своей специальности, стал работать в родном колхозе. Потом началась война. Танкист, конечно, а куда же еще.

Вернулся домой только в сорок шестом после тяжелой контузии. С личным как-то не сложилось. Все в жизни стало другим, сломалось что ли, и уже было не до учебы. Хотя временами очень хотелось, но было, как ему казалось, уже слишком поздно. Так Толя и остался в трактористах. Однако выполняя работу механизатора, Анатолий вместо главного инженера фактически руководил работой механиков.

Любовь к книгам и наукам осталась единственной страстью Анатолия Петровича Сахарова. Для взрослых и для детворы вел технические кружки в местном клубе. Даже иногда читал собственные лекции на самые разнообразные темы: от механики до медицины.

Вообще мужиком он слыл хорошим, но чуток, как говорили, «трехнутым» чудак-Кулибиным. Но чем больше он читал о естественнонаучном, тем сильнее задумывался о совершенно иных вещах. Его начали волновать вопросы, которые в Стране Советов уже давно и однозначно были решены в пользу диалектического материализма. После важных новостей о неизмеримой военной мощи Советской державы² Толя почему-то не чувствовал никакой радости. Скорее наоборот: ему становилось тревожно.

² 27 августа 1957 года СССР объявил, что обладает сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракетой, способной доставить ядерный заряд в любую точку земного шара.

Москва

Поезд из Нижнего прибывал в столицу ранним утром. В эти выходные лекцию «О глубоководных погружениях первых советских батискафов» проводили в знаменитом ДК им. Серафимовича³. До начала много времени. Устроившись в общежитии на Большом Тишинском переулке – до ДК «рукой подать» – Толя решил прогуляться по городу.

Москва встретила его еще цветущими яблонями, а кое-где по дворам цвела и сирень. Отгуляв майские праздники, город с некоторым смущением встречал раннее утро первых послепраздничных выходных. Было тихо, лишь короткий скрежет вагонов, выходящих на линию из трамвайного депо, разрезал тишину Пресненских улочек и переулков. Анатолий с улыбкой вспомнил, как пару недель назад на праздничном концерте семилетний соседский Гришка смешно декламировал «Веревочку» Агнии Барто. Мальчишка очень старался. Читая стихок, он качался из стороны в сторону и после каждых двух строк делал паузу, вытирая ладошкой вечно текущий носик. Продолжал читать Гришка только тогда, когда его раскрасневшаяся от волнения мамка кивала ему из зала...

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!

Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки.

Шумная, веселая,
Весенняя Москва.

Еще не запыленная,
Зеленая листва...

Ах, эта весенняя Москва! По улице Красная Пресня, от «Мосторга» в сторону зоопарка чинно двигались ряды поливальных машин. В радуге водяной пыли растворялся запах сирени, воздух счастья и свежести раннего утра. Все это казалось Анатолию нереальным, прекрасным сном.

Сначала посетить Зоопарк – мечта с самого детства. Сахаров вспомнил призыв Маяковского: «Пролетарий, пролетарка, приходите в планетарий». Да, конечно, он решил еще по дороге – потом обязательно в планетарий! Это же рядом совсем. Там можно поподробнее расспросить про первую в мире Советскую станцию, недавно пролетевшую мимо Луны!⁴ Эх, не опоздать бы на лекцию.

Анатолий ускорил шаг.

Вопреки ожиданиям, зоопарк не произвел на Сахарова особого впечатления. «Любопытно, не более того». Анатолию невольно вспоминался и Берлинский зоопарк сорок пятого года⁵. Сахаров решил не грустить и через час уже стоял в очереди у билетной кассы планетария. На удивление ждать пришлось не очень долго. Новый проекционный аппарат «Планетарий»

³ В Доме культуры им. Серафимовича в свое время выступали Любовь Орлова, Фаина Раневская. ДК. Снесен в 2017 г.

⁴ «Луна-1» – первая в мире станция, в январе 1959 года пролетевшая мимо Луны и достигшая второй космической скорости. Было доказано, что у Луны отсутствует магнитное поле, открыт солнечный ветер.

⁵ Знаменитый Берлинский зоопарк сильно пострадал в 1945 году во время боев за город.

притягивал Анатолия как магнит, а после посещения астрономической площадки Толя долго наблюдал за маятником Фуко⁶. В итоге в планетарии Анатолий провел несколько часов, чуть не позабыв о скором начале лекции в ДК. По дороге на лекцию Анатолий думал о том, что маятник Фуко совсем не сложно построить самостоятельно.

«Наша старая водокачка вполне сгодится. И это будет, пожалуй, второй маятник Фуко во всем СССР. Только представить себе – в нашем родном поселке!»

Миновав Тишинский рынок, Анатолий дошел до Дома Культуры им. Серафимовича. Зал был забит буквально до отказа. Ну что тут поделаешь? По билетам общества «Знание», казалось, пришло пол-Москвы. Лекцию Толя слушал, стоя в проходе у самого выхода. Однако было настолько интересно, что Анатолий пожалел лишь о том, что не взял с собой блокнот и карандаш.

⁶ Маятник Фуко – назван в честь французского физика Жана Фуко. Эксперимент наглядно демонстрирует факт суточного вращения Земли.

На Ярославском вокзале

Суббота пролетела на одном дыхании. Следующим утром Сахаров оказался на Ярославском вокзале. К девяти утра у билетных касс собралась внушительная очередь. Заранее купленные билеты лежали у Толи в нагрудном кармане рубашки. Торопиться было некуда, предстояло лишь узнать о том, как получить по командировочному удостоверению обратные билеты в Ярославле. Для этого все равно пришлось занимать место в самом хвосте очереди. Усевшись на чемодан, Толя не спеша ошипывал скорлупу с вареного яйца, стеснительно убирая ее в боковой карман пиджака.

На привокзальной площади постепенно нарастало оживление. Часть перрона почему-то была оцеплена милицией, и это вызывало любопытство у некоторых граждан. Милиционер не спеша прогуливался у выхода из метро вдоль очереди и далее – по перрону. Павильон «Соки и воды» открывал свою витрину. Граждане, организованно ожидавшие открытия билетных касс, зорко следили за привокзальными часами. Через несколько секунд после того, как большая стрелка прыгнула на цифру двенадцать, окошко со стуком отворилось. Все оживились, очередь подобралась и приосанилась. Закапризничал ребенок, и Сахаров заметил, как симпатичная невысокая девушка пропустила вперед себя семью с малышом. Широкие скулы, уложенные набок волнистым начесом русые волосы, элегантные туфельки на каблукке, юбка в клетку, сине-зеленый блузон. Чемодан в ее руках не казался тяжелым. Они на секунду встретились глазами. Сахаров смутился. В этот момент он жевал, и часть желтка как назло прилипла к верхней губе. Девушка улыбнулась как-то в сторону и почему-то снова пропустила вперед себя пожилую пару. «Ждет кого-то», – подумал Толя.

Утомительно-медленно прошли еще два часа. Сахаров было задремал на лавке в зале ожидания, еще через полчаса из-за громкого объявления он проснулся, решил доесть второе яйцо и купить в дорогу пирожков. По станции объявили: «Внимание-внимание! Поезд №34 Москва – Ярославль – Омск подается на второй путь третьей платформы...» Одновременно донесся редкий перестук подаваемого к перрону состава, потянуло паровозным дымком.

Приятная компания

В 13:30 паровоз стоял под парами. Пассажиры с чемоданами и поклажей в поисках своих мест протискивались друг мимо друга в узком коридоре одиннадцатого вагона.

Толя сидел у окна, на столике лежал последний номер журнала «Наука и жизнь». Хотелось пить. «Не бежать же обратно к павильону», – подумал он, не отрывая взгляда от происходящего за окном. По перрону семенили озабоченные пассажиры и участливые провожающие. Натужно катил телегу с целым ворохом чемоданов носильщик. Вдоль вагонов не спеша, иногда значительно кивая проводникам, прогуливался все тот же милиционер. Строем на посадку размашисто прошагали курсанты морского училища. Целое отделение. Мимо прошел молодой человек – похоже, ровесник Сахарова. В очках, сером джемпере и сером костюме. На голове светлая шляпа с широкими полями. Улыбаясь и высматривая номера вагонов, придерживая под мышкой фотоаппарат, он с усилием тащил два чемодана. Рядом, иногда забегая вперед, перепрыгивая через трещинки на асфальте, – та, из очереди. «Вот и дождалась», – отвлеченно, почти без сожаления подумал Толя. Тут он вспомнил: его никто не ждет, и он сможет выкроить минутку, чтобы зайти в Ярославское областное издательство. Туда Толя отправлял свою рукопись, но получил отказ.

– Здравствуйте, можно? А мы тут... тоже поедем, – на пороге стояла улыбающаяся парочка. Молодой человек в сером костюме без промедления стал укладывать небольшой чемодан под полку.

– Спасибо большое, а то я немного растерялась, в купе вот билеты пришлось брать. В общий и плацкартный все места раскуплены на два месяца вперед!.. Ой, простите, не успела спросить, как вас величать? – девушка дотронулась до рукава своего спутника.

– Стас. Стас Толчинский. Разрешите представиться: корреспондент газеты «Известия», еду в Ярославль по редакционному заданию, – отрапортовал тот, поправляя окончательно съехавший набор фотоаппарат. – Я тут в восьмом вагоне, вероятно...

«Вот тебе и дождалась... чужие они», – подумал Анатолий.

– Проходите, конечно, пожалуйста. А я – Анатолий Петрович Сахаров, можно просто Анатолий.

– Очень приятно. Шура, студентка первого «Меда», еду в Ярославль к своей родненькой тетке на несколько дней. Еще раз спасибо вам, Стас, за помощь.

Девушка потянулась к столику и несколько свежих незабудок упали в стакан, стоявший у самого окна.

– До Ярославля часов десять, так вы заходите, Стас, на чай, поболтаем. А вы не против? – Шура подняла бровки и вопросительно посмотрела на Сахарова.

«Зеленоглазка» – подумал Толя.

– Я? Нет, не против. Только вот еще соседи, вероятно, ожидаются. – Сахаров не успел договорить, вагон качнулся, и в эту самую секунду в проеме, отодвинув Стаса, выросла фигура. Остроносому гражданину немногим более пятидесяти и крепкого телосложения морская форма, безусловно, шла.

– Здравия желаю! Петропавлов я. Замнач по строевой «Рижского мореходного». Мои ребяташки в восьмом вагоне, а меня, по ошибке или по умыслу злому кого из курсантов – надо же! – на восьмое место, но в ваш вагон закинули. Поменяемся, а? Ну, выручайте, славяне... Я тут услышал, вы как раз из восьмого. Молодой человек, а? А то эти оглоеды полпоезда до Ярославля разнесут.

Проводник в шерстяной безрукавке (почему-то поверх кителя) решительно наводил порядок на подотчетной ему территории:

– Това-ри-щи провожающие! Пора, пора уже. А вы проходите, про-хо-ди-те в купе, вы мне тут не создавайте затор и вечный сквозняк. Вам говорю, товарищ моряк. И к вам, гражданин с фотоаппаратом, это относится. Занимайте места. Проходите, милая, проходите в купе. Чай-шмай и прочее печенье – это сколько угодно: и у меня, и в ресторане. А сейчас – по купе. Занимайте места согласно купленным билетам.

– А можно нам поменяться местами? – с хитрым прищуром доставая билеты и по-приятельски обхватив рукой проводника за плечи, спросил моряк.

– Да я тоже, собственно, не против, даже «за», – корреспондент протянул проводнику свой билет.

– Это, товарищи мои дорогие, не положено... – отвечал проводник, высвобождаясь.

Однако билеты взял.

– Ну хорошо, только если без претензий, и – да... сами подойдите к проводнику восьмого вагона, скажите, что я... ну, что Воскобойников Игнатий Федорович из одиннадцатого не против.

Словно опасаясь, что тот передумает, моряк рванул к выходу:

– Спасибо, товарищи дорогие, я разом, то есть мигом. Потом еще заскочу, с меня причитается.

Огромный чемодан Стаса не помещался внизу, решили поднять на верхнюю полку. Даже Анатолий взялся помогать, настолько чемодан оказался тяжелым.

– Господи, да что у вас в нем такое? – спросила Шура.

– В основном книги, целое собрание сочинений везу. Вы удивитесь: почти весь Достоевский, пятнадцать томов. Я в Ярославль уже во второй раз за месяц. Дописывать, так сказать, материал. Вот меня и попросили привезти что-то для души. Я сразу подумал, что Достоевский – в самый раз. Сначала взял только «Карамазовых», потом «Бесов», а уж позже я так рассудил – что собрание сочинений по частям дробить? Я и другую книгу прихватил, смешное дело: люблю разнообразные справочники читать. Вот, «Определитель насекомых» – сотни видов букашек разных, иллюстрированный...

В вагоне-ресторане

Как обустроились, Сахаров отправился в соседний вагон-ресторан «попить минералочки». Он предложил было попутчикам составить ему компанию, но те отказались, сказав, что позже попросят у проводника чай.

Первый посетитель сел за столик и заказал бутылку минеральной воды. За буфетной стойкой стоял худощавый человек небольшого роста и механически протирал стакан белоснежным вафельным полотенцем. В глаза бросилось объявление за его спиной: «Вас обслуживает победитель конкурса работников общепита 1957 г. МПС СССР, тов...» Далее почему-то уверенно зачеркнуто имя Ф.М. Леонтьев и размашисто, с виньетками и цветочками, написано: «*Я Левон Лонгуриан*». Лет тридцати пяти, чернявый, с шапкой смоляных волос – буфетчик больше походил на циркового артиста, а не на сотрудника общепита. Левон принял заказ. Заглянув за угол стойки что-то сказал, и тут же к Сахарову вышел очень большой и очень толстый официант – совсем молодой парень. Во всей его фигуре было что-то разлапистое, таких еще называют «увалень», один из тех людей, огромная природная сила которых поначалу не видна, поскольку никак не сочетается с безобидным, совершенно детским лицом. Сахаров подумал, что если этот детина сядет, то его брюки обязательно разойдутся по шву. Осторожно неся поднос, сжимая его обеими руками, он не слишком дружелюбно смотрел на Анатолия. Неуклюже поставил на столик темно-зеленую бутылку «Нарзана». Неожиданно гигант произнес почти фальцетом:

– Вот, пжлста, минеральная.

Он собирался было уйти, но чернявый за стойкой крикнул:

– Юрка-аа! Рыбальченко-о! Стокан забыл, да!

– Ой, извините, товарищ... – щеки официанта приобрели пунцовый цвет, он тихо добавил: – Спасибо, Левон-джан.

– Мы тут не по смене, не наш это состав, – пробовал оправдаться великан. Теперь он забыл открыть бутылку... Из-за прилавка уже вышел верткий Левон, справился с задачей и налил воды в стакан.

Ситуация была неловкая, и Сахаров, желая показать свое расположение, неуклюже завел беседу. Спросил о том, сколько вагонов в поезде, но ответа не получил.

– А что, много народу бывает у вас, маршрут-то до Ярославля короткий? – еще раз попытался начать беседу Анатолий.

– Больше к в-вечеру... – кряхтя, откликнулся откуда-то из-за стойки Юра.

«Этому здоровяку, должно быть, совсем неудобно работать в тесном вагоне... Не то, что его худощавому напарнику...» – подумал Толя и почему-то вспомнил о попутчице.

«Вот Шура – она такая стройная...»

– Да, народу много в поезде. Мне билеты от организации покупали и то... Там до девятого вагона все плацкарты и общие забиты под завязку. Пришлось взять место в купе, в одиннадцатый вагон. Одно хорошо – с попутчиками повезло.

Юркина голова вдруг вынырнула из-под прилавка. Левон аккуратно положил полотенце на край стола.

– А-а... Вы, уважаемый, командированный, значит, да?

– Вроде того. Ну, не совсем. И в краткосрочный отпуск, и в командировку – считайте, все разом.

– Ну тогда, – Левон повернулся, чуть потянувшись, достал с полки бутылку, – это имэнно то, что нам нужно.

С лукавым прищуром победитель конкурса работников общепита сообщил:

– Это, дорогой, лучший в подлунном мире коньяк... Ар-мян-ский! Ну... чуть-чуть?..

– Дорогой?

– Ара, нет, уважаемый. Это вы – дорогой, а коньяк этот – он просто лучший!

Левон собрал пальцы в щепоть и послал воздушный поцелуй полке, на которой, играя янтарными отсветами в солнечных лучах, красовались еще три бутылки.

– Э, Толя-джан, от меня, да! Несколько капель. На пробу... Да?

Толя вежливо, но решительно отказался. Пошутил, сказав, что его работа подразумевает «ясный ум и твердую руку». Тем более что ему только до Ярославля, хотя поезд, кажется, далее проследует «аж до самого Омска»... Анатолий поинтересовался, едут ли Левон и Юрий до конечной станции или их смена тоже только до Ярославля?

Сахаров, казалось, окончательно разговорил обоих собеседников, и они сами начали спрашивать Анатолия о его работе, о поездке. Юра утверждал, что Ярославль, конечно, замечательный город, но Омск – жемчужина Сибири. А был ли когда Толя в Омске? Потом разговор опять вернулся к коньяку. И Толя отказался теперь от «рюмочки за встречу». Левон понимающе с важным видом сообщил, что и он любит коньяк, но «истинной, платонической любовью, как произведение искусства». Не то, что его пьющий дядька, которого по странному стечению обстоятельств тоже зовут Платон. Но главное, что Левон не употребляет еще и потому, что с юности увлекается мотоциклами. Как и Анатолий, он тоже любит технику, неплохо в ней разбирается. «Может на спор с Толей-джаном с закрытыми глазами собрать и разобрать движок любого немецкого мотоцикла»

Ребята оказались общительные и веселые. Поговорив о технике, они задавали Анатолию еще много других вопросов, которые Сахаров никак не ожидал услышать от обычных официантов вагона-ресторана. Толя успел рассказать им и о долгожданном путешествии в Москву, и о командировке в Ярославль. Так прошло более получаса, и Анатолий, заказав бутылку Дюшеса, попросил принести ее в третье купе одиннадцатого вагона часа через два. Возвращаясь к себе, он неожиданно понял, почему захотел угостить Шуру лимонадом.

Осенью 1957-го

Протарахтел, гремя пустыми молочными бидонами, «студебеккер», прошла почтальонша. Соседская корова Горка почему-то остановилась у забора. Горка положила голову поверх забора, засунув влажную морду в промежуток между обломанных досок, и продолжила жевать. Часть старого забора закачалась в такт.

– Ну, пошла, дуреха! Сейчас повалишь все! Пошла! – Анатолий махнул рукой.

Воскресное сентябрьское утро, слышно, как по дворам собирается народ, переговариваясь о своем. С крыльца видать вдалеке блестящий изгиб Волги. Многие отправятся на пристань – сегодня приходит пароход. Сахаров тоже пойдёт: на пароходе привезут и заказанные книги и журналы.

Почтальонша прошелестела назад, еле кивнула из-под платка. «Вот и месяц, как за сорок, кажись так и помру бобылем», – подумал Толя.

В этот солнечный денек в самом начале осени 1957 года уже битый час Сахаров сидит на скрипучих ступеньках крыльца. В старой школьной тетрадке в клеточку что-то старательно выводит химическим карандашом. Ого! Да там... Ну-ка, посмотрим.

«Жизнь – это чудная короткая тропинка где-то посередине пространства космической бездны... Однако сегодня мы поговорим о более приземленном, но не менее значимом для любого советского (зачеркнуто) человека...»

Неторопливо продолжалось сентябрьское воскресенье. Деревенские мужики с утра были уже навеселе. Нет у Сахарова этой беды, почти не употреблял «беленькую», даже и ни капли вот уже целый месяц: ни в праздники, ни в будни.

С шести утра к трактору, а вечером – занятия кружка или сразу домой... к книгам. Так шел год за годом. И в этот самый день, глядя в небо на собирающийся журавлиный клин, Сахаров осознал, что хочет и может, и обязательно напишет свой первый рассказ. Это будет пусть маленький, но правдивый рассказ о том, «что есть жизнь». Хотел он только написать так, чтобы получилось не сладковато-тягостно, как писали во всех известных ему журналах.

Ботинки на босу ногу. Горячий чайник на ступеньках крыльца. Да, вот таким светлым, прозрачным и теплым выдалось это сентябрьское воскресное утро. Механик колхоза «20 лет Октября» Анатолий Сахаров, сидя на ступеньках своей хибары, накинув на майку старый пиджак с дырками от медалей, писал свой первый в жизни рассказ.

«Наша жизнь в любое ее мгновение, в любом месте нашего проживания – не важно, город ли это или малая деревенька, скит отшельника или дворец хана – всегда много сложнее, чем это кажется. Жизнь – отнюдь не только то, что происходит с самим человеком. Главное всегда вокруг человека и происходит с его осознанным или невольным участием или, что особенно всем нравится, под его влиянием. А уж как мы воспринимаем происходящее – ничего в реальности и не меняет. Замечательно, что изначально почти всегда есть выбор. Жизнь или смерть, борьба или дружба, жертвенность или равнодушие. В чем затруднение? Кто ты, человек? Нас окружает сложный, тонкий мир, который мы разучились замечать или считаем малозначимым. Мы видим только самые огромные конструкции. Мы разучились хотеть напрягать зрение, рассматривать детали, ведь гораздо легче обозревать общую картину. Люди – особенная, но лишь крохотная часть чего-то (зачеркнуто дважды) безмерно более важного».

Толя подумал и, послынявив карандаш, еще раз уверенно зачеркнул это самое «чего-то». Не любил он эти прозрачные намеки на религию. Так уж был воспитан. Хотя...

«Человек с большим удовольствием заслонил своим «Я» все вокруг, но заслонил только в собственном сознании. Такое пренебрежение приводит к фатальному упрощению понимания того, что называется «мирозданием». Огрубевший взгляд стирает краски, убивает смысл и целостность отведенного нам отрезка пути, но никак не делает великое ничтожным».

На мгновение Толя задумался, машинально скovyрнул башмаком камень, давно лежащий у самого порога. Под камнем оказалась пара жирных червей: они завертелись, пытаются уползти. Глядя на них, Толя машинально отхлебнул кипятка, подвинул камень обратно и попытался закончить мысль.

«Нам словно отшибло память. Мы будто ослепли. Так почти все мы и живем – величайшие божьи (зачеркнуто) создания матери-природы, но составляющие собой часть почему-то совершенно жалкого человечества. Мой небольшой рассказ о простом человеке, который один раз смог увидеть наш удивительный мир другими глазами».

Толя перечитал последний абзац. Попытался критически оценить свои высокопарно-наивные рассуждения, и... ему стало не по себе. «За такое могут и привлечь», – подумал новоиспеченный философ и литератор.

– Ай, Толя, а? Дома ты. Что сидишь-то так? – у калитки переминался с ноги на ногу Андреич. Седой, как лунь, хромой мужичонка лет пятидесяти в кургузом пиджачке что-то бережно держал под мышкой.

– Того-этого, а я на пристань. Пароход приходит, сам знаешь. Потом пивка можно, того-этого, на площади. А? Я вот рыбку тут приготовил. Са-ам коптил, – скобля щетину, продолжал Андреич.

– Я – не. Занят. Хотя на пристани буду. Мне посылка приплывет из Ярославля.

– Ну... Да. Как знаешь. Ну так я пошел.

Андреич, видя, что Толя даже и головы почти не поднял, засеменял прочь на своих «рубль двадцать».

«Вот человек, – подумал Толя. – Фронтовик, герой, можно сказать, а как живет? От рыбки до пивка и обратно – не нужны мы никому. Уж шестой год протез заменить добивается, все без толку. Перевернуло нас как с ног на голову, придавило, но не до смерти. Вот он куда-то все спрятаться пытается от жизни такой».

Наверное, поэтому вспомнилось о червях. Они были на месте, под камнем. Куда уж им деваться, дрожащим тварям?

Мы едем, едем, едем

Вагон был почти заполнен. В одном из купе капризничал ребенок, мамаша то ласково пыталась его успокоить, то, теряя терпение, срывалась на шиканье. Кто-то вслух читал статью из журнала о пользе молочных продуктов и кулинарных рецептах Федеративной Народной Республики Югославии. В тамбуре постоянно курили, а по коридору в направлении вагона-ресторана периодически сновали отдельные пассажиры. Уже на подходе к купе Толя услышал залиvistый девичий смех.

Четвертый попутчик так и не появился, и вся компания с удобством расположила часть вещей на свободной второй полке. На столе лежали справочник «Определитель насекомых» и Толин журнал. Стас рассказывал веселую историю о своем прошлогоднем репортаже из Московского зоопарка. О том, как его блокнот с записями утащил детеныш шимпанзе, а директор зоопарка на глазах у посетителей собственноручно пытался его отобрать. Обхватив руками коленки, Шурочка увлеченно слушала и смеялась.

Москва кончилась, за окнами столетние сосны уже отсчитывали первые километры от платформы «Челюскинская». И тут, как водится, проснулся дорожный аппетит, и все решили, что уже давным-давно пора обедать. На столе выросла горка вареного картофеля, булка с маком, бутерброды, даже маленькая миска с жареной рыбой, нарезанная луковица да серый пакет с какими-то сладостями. Внимание Сахарова привлекла трофейная немецкая медицинская фляга с кружкой поверх горлышка.

– Ого, это самое, давно не виделись, – заметил Сахаров, – откуда у вас, Шурочка?

– Так это я сейчас, наконец, студентка «Меда», а во время войны... – Шура опустила глаза.

– Вы? Простите, но вы же такая молодая... почти девочка.

– Да что уж там, – Шура смущенно улыбнулась, – в июле стукнет тридцать три, и с конца сорок третьего санинструктором в полевом госпитале. Четвертый Украинский фронт. Так что фляга эта – подарок. На память от ребят.

– Ну и дела! – воскликнул Стас. – Значит, во фляге этой должно быть что? – он потер руки.

– Да то-ма-тный сок там, – улыбнулась девушка, – который я очень люблю, правда, меньше чем Дюшес. Моя Фамилия хоть и Стременная⁷, сама казачка, но к горячительным напиткам отношусь строго отрицательно, – и Шура начала отвинчивать крышку. – Угощайтесь!

Через несколько минут разговор вернулся к войне.

– Ребята, а вы где воевали? – поинтересовалась Шура.

– Читайте, почти по соседству с вами, – улыбнулся Толя, – Второй Украинский, шестая Гвардейская танковая армия, командир танка. Так по сей день, можно сказать, и воюю... это самое, с гусеничной техникой в родном колхозе. Из Нижнего Новгорода я. В Москве днями был – проездом в Ярославль, на местный автозавод, командированный, считайте.

– Так и мне надо на автозавод, – жуя и макая картошку в соль, откликнулся Стас. – Я к ним, как уже говорил, по редакционному заданию. Мы собираем материал для большой серии статей о тружениках тыла. Но сначала по плану – начальник станции. У меня с ним большое интервью. С прошлого раза «хвосты» остались. Он меня встречать будет, обещал устроить на ночлег. Ой, соль просыпал – поссоримся с ним что ли?..

Все засмеялись.

⁷ Стременная – из фамилий Донских казаков. «Стременную» чарку после «дорожной» и «на посошок» подавали перед дальней дорогой воину, уже находящемуся в седле.

– А я вот с техникой всю жизнь на «вы», – продолжал Стас. Танки только под откос... Знаете, к сорок третьему году в нашем партизанском осталось человек двадцать. Считай, каждый десятый. Потом лагеря... Сначала немецкий. Однако повезло: наверное, какой-то талант выживать.

Лицо Стаса посерело, картофелина в его пальцах развалилась на части. Секунду спустя он спокойно продолжил:

– А на счет вашей профессии, Шурочка, так это какое дело тяжелое, – Стас поднял глаза вверх и, тыча указательным пальцем в потолок, благоговейно произнес: – Ме-ди-ци-на.

– Да талантов особых у меня не наблюдается, – заметила Шура. – Теперь, на пятом курсе, я понимаю, как ошибалась. Это мне там, на фронте, казалось, что хирургия – дело совершенно определенное. Я вытаскиваю раненных, а хирург Великанов их «режет» и «режет». Сестры только и успевали выносить ампутированные конечности. Санинструктору⁸ думать особо некогда, что я там видела? Чик – и готово.

В купе на мгновение наступила тишина. Каждый вспоминал о своем.

– Что там говорить, – вступился за Шуру Сахаров, – на фронте все виделось иначе. Что жизнь одного человека стоила в масштабах страны – да ничего. Вам ли не знать? Другое дело – вся страна, задачи и приказы. Да и сейчас, думаю, это главное. Изначально выше, чем жизнь человеческая. Вот под Новочеркасском живет у меня знакомый, фронтовой товарищ Ваня Щепенцев. Это самое, все в гости зовет. А познакомились-то под Дебреценом. Венгрия это. Бои там были упорные в сорок четвертом, «бутерброд» на «бутерброде», не разберешь, где свои, а где фрицы.

Так вот, вышли мы несколькими тридцатьчетверками на шоссе у глухой деревеньки, уже в нашем тылу... Батюшки святы, а там бой идет к концу. Несколько немецких танков с мадьярской пехотой, видать, неожиданно к нам в тыл прорвались. Часть танков уже горит, пара домов на самой окраине – в труху. Артиллерийские расчеты подавлены, народу побило, как потом выяснилось, и служивого, и жителей местных – страсть. Пехота почти вся рассеяна, и только одно орудие на хитрой позиции – на высоте еще редко отплевывается, не дает фрицам покою. И назад не могут уйти – техника горит – и сквозняком никак.

Тут Толя для полноты картины, прямо как в фильме «Чапаев», расставил на столе оставшиеся картофелины и надкушенное яблоко.

– На позиции два артиллериста и пулеметчик оставались полуживые. Ваня этот как раз командиром орудия был. Оказалось потом, что из штаба поступил приказ не сдавать деревню. Защищать любой ценой. Только смысла в этом не было никакого, потому как за деревенькой через несколько километров начинались сплошные болота, топи да леса дремучие. Нашим бы отойти на фланги, никуда фрицы бы не делись из котла. Только нет возможности... молодили друг-другу часов шесть. А почему так вышло? Да кто-то там с проверкой в штаб дивизии нагрязнул, надо было рапортовать да на карте стрелки с флажками рисовать. Вот вам – цена жизни человеческой. Годы прошли, и думаю теперь: из-за безжалостной инерции войны сколько жизней тогда оборвалось. А до этого боя, а после? Почему так? Объяснимо, но... страшно от объяснений этих. Ну ясное дело, мы-то Родину защищали, но сколько детишек опосля не родилось во всем мире. Это все сейчас очевидным кажется, а тогда за такие речи я бы мигом под трибунал пошел.

Не было в размышлениях Сахарова привычной всем стройности и определенности, скорее одни противоречия, однако попутчики не перебивали. Анатолий почувствовал, что мысль как-то не совсем сложилась, и закончил:

⁸ Санинструктор – лицо младшего медицинского состава военно-медицинской службы. Непосредственно во время боя совместно с санитарями санинструктор должен был обеспечить розыск, вынос и эвакуацию раненных с поля. Во время ВОВ количество женщин-санитарок и санинструкторов в действующей армии составляло более 40%.

– Это я к тому, что вы, Шура, как медик, хоть с талантом или без оно, но жизни спасать будете. Вот то-то...

– Товарищ Воскобойников Игнатий Федорович, кажется? Дорогой! – Стас буквально поймал за рукав проходившего мимо купе проводника. – Можно, уважаемый, попросить чайку?

Проводник кивнул и сменил было направление движения на обратное, но вдруг остановился и сообщил:

– Товарищи, хочу предупредить, что получено особое предписание: не покидать вагонов до самого Ярославля. Исключение – пассажиры с билетами до промежуточных станций назначения. Но среди вас, как я помню, таковых не имеется.

– А в чем, собственно, дело? – поинтересовался журналист.

– Не знаю, не сообщили. Но проход в вагоны через вагон-ресторан номер двенадцать, далее в хвост поезда – закрыт. До особого распоряжения начальника поезда. Так что, если кто из знакомых едет в шестнадцатом, уж потерпите с общением до Ярославля.

Шура очнулась, словно ото сна:

– Жаль, а я хотела мороженое купить на станции. Ну не покидать, так не покидать. Хорошо, что до вагона ресторана еще можно... А чай будет?

– Да, конечно! Значит, все будут чаек? Минуточку, тут титан барахлит, – Воскобойников, шаркая, суетливо отправился исполнять заказ.

– А вообще, я не вполне согласен с вами, Анатолий, – вдруг вернулся к разговору Стас. – Вы считаете логичной незначительность жизни отдельно взятого человека в сравнении с задачами всей страны. А мне кажется, что это не совсем так. Не всегда. Несправедливо это, что ли...

– Не уверен, что правильно вас понимаю, – переспросил Анатолий.

– Вероятно, я сам еще не готов пояснить. Так вот, – продолжил Стас, – я про таланты. Я об этом думал раньше, и есть у меня наметочка одна. Для статейки это не подойдет, а вот если для книги какой, – он мечтательно улыбнулся. – Сейчас вкратце расскажу, что условно назвал для себя «эффектом клапана».

Представьте себе, где-то там, в далеком космосе, преогромные чаны. Вокруг них трубы, гидранты, какие-то вентили. Среди мириад звезд в торжественной тишине в этих огромных емкостях хранится то, что зовется «божьим даром». Поймите правильно, я это исключительно иносказательно, в качестве литературной, так сказать, гиперболы, не более того. Так вот, эта субстанция через некий клапан подается весьма дозированно и только избранным людям. Кто такие избранные – гении, таланты, и даже... безумцы. Последним дар подается неудержимым потоком. Такое количество блокирует разум, делает невозможными формализацию увиденного и, как бы это сказать, прочувствованного знания, его перевод на обычный язык. Гениям дар дается по капле, но постоянно. И в этой капле запросто можно утонуть, захлебнуться! Талантам – исключительно эфирными испарениями, но лишь изредка. Им, чтоб воспользоваться подарком судьбы, надо много трудиться.

– А обычным людям как? – нетерпеливо перебила рассказчика Шура.

– Обычным людям не достается вообще ничего, может иногда или раз в жизни, всего на мгновение, чуть уловимая толика, отсвет, что и называют «озарением». Это запоминается навсегда. Если не пропустить и умело воспользоваться данным шансом, то даже сами воспоминания об этом придают надежду, силы и веру в себя. Вот такая, считайте, сказка.

– Очень антинаучная теория-сказка у вас получилась, товарищ советский журналист Толчинский, – шутливо нахмутив бровки, отозвалась Шура. Сахаров промолчал. – Только не говорите, что вы не верите в человека, – продолжала девушка.

– Отчего же не верю, очень даже верю. Но... не всегда. Вот вам еще история, если позволите. Ехал я как-то в детстве с бабушкой моей, царствие ей небесное, из Москвы в Ленин-

град на поезде. Помнится, мне было всего-то лет шесть или семь. Сажу себе у окошка, свои любимые марки рассматриваю, от деда моего достались. Старые, некоторые еще прошлого века. Ехал в том вагоне общем и дядечка такой, бородатый и общительный. Рыжеволосый, как лис. Так он все истории веселые рассказывал да на балалаечке играл. Марками моими как-то поинтересовался, но не особо. Потом книжку достал, почитал мне «Мифы Древней Греции». Бабушка в восторге была. А он меня все нахваливал да нахваливал. Мол, какой я мальчонка смысленный расту. Даже по головке гладил, яблочками угощал. Приехали мы домой. И тут-то мальчик смысленный обнаружил, что марки – «тю-тю». Исчезли мои марки, а в коробке лишь два яблочных листочка сморщенных лежат. Так что и не знаю, что ответить вам, Шурочка, о моей вере в людей. Думаю, многие в вагоне том свои вещи в тот день оставили. Верю, конечно, но... – он обратил ладонь в сторону собеседников, как бы отталкивая их, – Про случай тот забыть никак не могу.

В купе постучали:

– Анатолий, приветствую еще раз. Ваш Дюшес прибыл! Стаканчики вот, – между сидящими протиснулась внушительная фигура Рыбальченко. Он откупорил бутылку, разлил по стаканам.

– Девушкам нравится особенно, – как-то неуместно добавил официант.

На мгновение Сахарову показалось, что Шура с Юрой переглянулись так, как это могут делать только давно знакомые люди. Юра тут же удалился, предварительно пожелав приятного аппетита. Стас отказался от лимонада, и Шура, на удивление Сахарову, не возражая, спокойно осушила и второй стакан сладкого напитка. С Дюшесом Толя явно угадал, и он решил, что по прибытии в Ярославль попытается пригласить Шуру в кафе-мороженое.

Над линиями электропередач сквозь деревья мелькало розоватое солнышко, день клонился к вечеру. После чаепития вспомнилось о книгах, которые вез, как теперь в шутку заметила Шура, «советский журналист, месть Толчинский». Потом даже состоялся короткий диспут о творчестве Достоевского. Сахаров с интересом наблюдал, как из обмена мнениями разговор перерос почти в спор о смысле рассуждения Раскольникова: «тварь ли я дрожащая или право имею?» Сахаров залез на верхнюю полку и под мерный стук колес, казалось, задремал.

Я червь

Червяки извивались, темно-розовые, будто лаком облитые. К Толе пришла странная, даже почти идиотическая, как ему самому показалось, мысль, и он пробурчал под нос:

– Что они видят? Чего хотят? Да зачем вообще живут? Должно быть, когда они в земле, все вокруг кажется таким жирным, прохладным... Вот это уже мои спинные поры, поясок. Мне хорошо. Видно, как подбираются одна к другой блестяще-лакированные идеальные дольки.

«Мы все рано или поздно становимся добычей себе подобным. В итоге превращаемся в тлен. Да на крючок», – подумал Толя. Тут он представил, вернее, вспомнил, как это должно быть безумно страшно, а уже потом больно, когда брюхо вспарывает металлическая скоба. Он представил, нет – он увидел, почувствовал, как его беззащитное червячье тельце летит в реку. Вокруг промелькнули берега, небо перевернулось два или три раза, и вот уже поверх тебя смыкается вода. Ее потоки не дают дышать.

– У-ми-ира-аю! – огромный глаз словно упал на Толю откуда-то сверху, кто-то ткнулся в бок. – Вижу огромный зев. Вот и рыба. Я же сам таких ловлю. Батюшки. Как же это такое может быть?

«А стану тогда лучше рыбой», – подумал Толя.

Я рыба

Ого, теперь я сам съем этого червяка. О-о-о-п. Так вот. Вокруг пузырьки, рачки, теперь поплыву глубже, где потише. Вот здесь, под корягой, будет хорошо. Интересно посмотреть. Что-то тянет меня вбок, какая-то красная пуговица рванула мимо меня. Поплавок. Я же позабыл о нем. Попался сам.

Лечу-у-у! Вижу длинное удилище, на конце маленький человечек. Зеленый брезентовый купол на голове. Откинул прочь – так это же Андреич! Батюшки, я что же теперь, в коптильню, а только потом в порт? А как же моя посылка с книгами? Так не пойдет...

Бью хвостом вправо, влево и опять вправо. Больно! Оборвав губу, шлепаюсь обратно в реку. Глухой удар, но острая тень проносится над самой водой.

Опять лечу!

Дышать не могу, хочу обратно в воду. Мутно все – воздух режет глаза. Где-то внизу, кажется, труба хлебозавода, вот вдалеке прямоугольники знакомых полей. Седая чайка, должно быть, схватила меня у самой воды. Вот беда.

Да что ж такое? Я – Толя Сахаров, я – человек, такого не бывает. Врешь, не возьмешь просто так Сахарова!

Стану-ка я чайкой.

Литерный 14 «А»

Странная нумерация вагона не требовала объяснений для его обитателей. Он шел сразу после вагона-ресторана, минуя несуществующий тринадцатый. Доступ пассажиров к четырнадцатому «А» был строго воспрещен. Далее пятнадцатый – почтовый, тоже без пассажиров. В шестнадцатом, последнем вагоне состава, ехали пассажиры с билетами из Москвы до Омска. На каждой станции, начиная с самой Москвы, у четырнадцатого вагона выставлялась внешняя охрана из двух сотрудников милиции.

Поскольку окна были закрыты и зашторены, а внутреннее освещение было весьма тусклым, в литерном царил полумрак. В вагоне находились три человека.

На стене привычно белело «Постановление Совета Министров СССР от 13 сентября 1951 г. № 3476-1616 Положение о военизированной охране первой категории».

На зеленом металлическом ящике сидел старший по возрасту и по званию охранник. Глядя в одну точку, он напряженно жевал бутерброд. Фуражка тарелочкой лежала на коленях. Проплешина и чуть примятые по окружности его головы седые волосы говорили о долгих годах, проведенных на казенной службе. Поочередно приподнимая желтые от табака то левый, то правый ус, он старался, чтобы ни одна крошка не попала мимо рта. Юный рядовой крепко спал, примостившись на железном ящике внизу, у наглухо зашторенного окна. Он громко сопел. Третий парень весьма крепкого телосложения уже пятнадцать минут кряду то отжимался от пола, то подтягивался под выступающим краем багажной полки.

– Товарищ командир, разрешите обратиться? – пыхтя от натуги, начал было спортсмен.

Через пару минут он повторил попытку:

– А что, Акимыч, молчишь? Не дернуть ли нам... так сказать... по маленькой?

– Да Господь с тобой, сержант Вяткин, все бы тебе дернуть, а еще физкультурник.

– Да шучу я, Акимыч. Вон, Федька-то наш храпака давить готов сутками напролет. А что я-то? Я... чайку имел в виду. Меня тоже вне смены в исподнем подняли в ночи. Езжай, говорят, стрелок Вяткин, на особо ответственное задание... Слушай, Акимыч, позвоним по внутренней, пусть проводник из ближайшего вагона принесет. Все ведь строго по инструкции.

Старик все молчал. Прошло еще минут пятнадцать. Федор все так же спал. Акимыч доел, коротко перекрестился и, аккуратно свернув газетку от бутербродов, положил ее в нагрудный карман гимнастерки. Закурил.

– О чем думаешь, Акимыч? Вот каждый раз, как в одной с тобой смене, за тобой наблюдаю.

– А ты не наблюдай, родимый. Чай я не девка красная, чтобы ты наблюдал за мной исподтишка.

Вяткин замолчал и перешел на приседания. Вдруг старик продолжил:

– Я, Вяткин, как ем досыта, все про моих вспоминаю. Я ведь даже могилки их не нашел, когда вернулся в сорок шестом. Пропали – и все тут. Как и не было. Ни весточки, ни даже самого дома. Ровное место одно – после бомбежки площадь расчищенная. Куда только ни писал. Может, утонули в Неве, а может самих... голод-то какой был, страшно даже подумать... – он осекся. – И вот так всегда, как ем, так их вспоминаю. Думаю, а только вот представь, Вяткин, как лет через шестьдесят заживут наши внуки и праправнуки! Какая жизнь в России-матушке, ну, в СССР во всем будет! Все по справедливости, всем, как говорят, по потребностям. Ни одного жулика и вора, наверное, не останется. Тюрем не будет. Пенсии большущие, всего вдосталь, бери – не хочу. Этим правительство наше и партия родная ох как заняты! Ну а если и останутся хмыри всякие разные, то совсем немного, и жизни целой страны они испортить не смогут. Во всем мире деньги отменяют, не будет их, бумажек-то окаянных, от которых

зло все... Что-то другое нужно – вместо их. И, значит, нужда в работе нашей с тобой отпадет совсем. Да и Бог с ней! Сам посуди, к примеру, ежели все люди записывали бы цифирь – ну, одновременно и по цепочке – кто да кому и сколько чего передал или как поменялся. Только тогда было бы все без обмана. Шила в мешке не утаишь и все записки эти не исправишь по желанию своему.

– Я, Акимыч, гляжу, ты фантазер большой. Куришь и куришь, куришь и куришь, а я вот только чаю хочу, лучше даже с сахаром, – никак не поддержал философские размышления начальника стрелок Вяткин. – Между прочим, я норму ГТО на золотой значок⁹ месяц назад сдал и не курю, а тут табачищем, уж простите, несет.

– Горе луковое, стрелок Вяткин, да будет тебе чай. Давай уж попозже, а там, глядишь, и Ярославль. Я вот что думаю, сынок: сдадим в Ярославле наличность, доедем с тобою и соней нашим до Омска, там сдадим золото и уж отдохнем до пересменки. Аж цельных три денька, полагаю. У меня сестра там, кровинушка родная. Заночуем, примут хорошо. Да может, и на рыбалку успеем. Эх-ма, душно что-то, окна не открываем до станции. Если только самую щелку. Никак гроза собирается, кость со вчерашнего ломит. Да и это самое, полотенечком-то чуток оботрись. Воняешь как сукунца – животное такое есть в Америке. Вонючая, говорят, страсть. Запашок похуже табачного уж точно. Нам с тобой еще несколько часов трястися в этой клетке. Давай-давай, вытирайся! Не приведи Господь, соня наш и не проснется от запахов твоих, – старик загоготал во все горло, хлопая своими большущими ладонями по коленкам да притоптывая. Владелец золотого значка ГТО ничего не ответил, но отошел присесть в самый дальний угол вагона, а Федор только перевернулся на другой бок.

Вдоволь насмеявшись, Акимыч рукавом вытер слезящийся глаз и скомандовал:

– Так, стрелок Вяткин, приказываю тебе телефонировать в вагон-ресторан. Пусть в девятнадцать ноль-ноль оставят у двери три стакана крепкого чаю с сахаром. Три коротких стука через два длинных, опять три коротких или как там по вашей Морзе. А чтобы не позабыли, ну и для порядка, мы еще один разок им телефонируем. Аккурат около семи – так и скажи. Федора разбудить и при получении через смотровое окно удостовериться в отсутствии посторонних лиц в тамбуре. Табельное обоим держать наготове.

⁹ Норма ГТО на золотой значок – в зависимости от возраста и пола включала в себя необходимость сдачи от семи до десяти норм по разным видам физических упражнений. По всей видимости, сержант Вяткин не без оснований гордился сдачей нормы на IV ступень – «Физическое совершенство» – для мужчин 19-39 лет.

Перед прибытием

Сахарову снилось мороженое. В металлических креманках на высоких ножках, точь-в-точь как в кафе парка Горького. Пломбирные шарики – сладкие, белоснежные. Две вазочки с мороженым стояли на столе друг против друга. И думалось, Толя ожидает кого-то, кому была предназначена вторая. Стол заставлен бутылками дюшеса, но официанты все несут и несут новые. Юра Рыбальченко, почему-то черноволосый, несет поднос, а на его краю сидит крохотный Левон. Он задорно болтает кривыми ножками – в руках табличка «победитель конкурса работников общепита» – и поет:

*Если бы парни всей земли
Вместе собраться однажды могли,
Вот было б весело в компании такой,
И до грядущего подать рукой...*¹⁰

Поднос становится огромным и тяжелым, бутылок все больше и больше. Они толкаются совсем как живые, приподнимают свои крышечки в такт мелодии и вдруг подхватывают хором припев, басами выводят:

*Парни, парни, это в наших силах:
Землю от пожара уберечь,
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сер-деч-ность встреч.*

Мороженое тает на глазах, а той, которую ждал Толя, все нет и нет. Рыбальченко только громко смеется. Он поднял поднос высоко над головой, бутылки начинают раскачиваться. Креманкам нет места, они вот-вот упадут на пол. Тут бедняга Левон срывается вниз, но, зацепившись рукой за край подноса, висит и как дите малое горько-горько плачет. Внезапно как заорет, почему-то густым басом: «СМИ-И-РНА!»

– А вот и я, друзья мои! – это пришел в гости Петропавлов, тот самый Замнач по строевой Рижского мореходного. Толя окончательно проснулся. Командирский бас Петропавлова заставил заплакать ребенка в соседнем купе. Моряк осекся и перешел на громкий шепот:

– Ребята, как я вам благодарен! Это же не курсанты, корсары какие-то. Я поэтому к вам ненадолго.

Он принес два огромных кулька баранок: один с маком, другой, поменьше, – с солью. Стас приветливо откликнулся:

– А мы тут как раз опять собрались чай пить, почти как англичане, ну только не five, а seven o'clock. Уже заказали пару стаканов у проводника минуту назад.

Мимо купе в сторону вагона-ресторана опять шел Воскобойников. Поинтересовался «не надо ли чего честной компании, поскольку скоро прибытие»? Попросили пару стаканов, а проснувшийся Сахаров заказал бутылочку Дюшеса.

– Сей момент, – по-старорежимному ответил проводник и споро засеменил в сторону вагона-ресторана.

¹⁰ Песня «Если бы парни всей земли» – написана к VI Московскому фестивалю молодежи и студентов 1957 года. Текст: Долматовский Е., композитор: Соловьев-Седой В. В те годы песню исполнял Марк Бернес.

– Вот и славно! – воскликнул Петропавлов и окинул взглядом попутчиков. А что все такие грустные да кислые?

– Мы не кислые, – отвечал Стас, – просто Анатолий вздремнул чуток, а мы тут поспорили с Шурочкой насчет Раскольниковова. Вот сидим, дуемся друг на друга теперь.

– Да бросьте, какая ерунда! Убедила я вас, убедила же, признавайтесь, – она шутя хлопнула кулачком по его плечу. – Это вы теперь грустный, а не я...

– Нет, с чего вы взяли? Хотите вот, хоть песню спою, чтобы доказать?

Сахаров с верхней полки, положив кулак под подбородок, невесело наблюдал за спорщиками.

Петропавлов лукаво улыбнулся и торжественно сообщил:

– Ну, песня – само собой, но больше я стихи люблю. Особенно, если в них про море...

Что-то вспомнив, он эффектно щелкнул пальцами и добавил:

– Вот, например, хотя название запамятовал.

Сидя вполоборота на краешке нижней полки, по-гусарски положив руку на колено, он начал читать, глядя в глаза Шура:

– У нее глаза морского цвета,

И живет она как бы во сне.

От весны до окончания лета

Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,

Где сильнее всего шумит прибой,

И в глазах глубоких в миг отлива

Холодеет сумрак голубой...

– Та-та-та... чего-то там буря... гм-гм... нет. Забыл, – моряк хлопнул с досады по коленке.

Шура вдруг продолжила:

А когда высоко встанет буря,

Вся она застынет, внемля плеск,

И глядит как зверь, глаза прищуря,

И в глазах ее – зеленый блеск...

Дочитав, Шура добавила:

– Это, товарищ морской волк, Константин Бальмонт – «Морская душа».

– Замечательные стихи, – заметил Анатолий, – будто про вас, Шурочка. Глаза-то у вас зеленые.

Шурочка захохотала:

– А я потому и выучила их!

Стас посмотрел на часы. Заметил, что до прихода поезда осталось не так много времени. Петропавлов обрадовался и сообщил, что без курева не может прожить и часа, а потому, пока не принесли чай, время оправляться «на перекур». Мол, папирос и новомодных сигарет не курит, а табачок у него свой, знатный. Все кроме Шурочки разделили компанию.

В тамбуре перед вагоном-рестораном неожиданно встретили Воскобойникова и Левона. Проводник стоял, прислонившись к двери, Левон курил. Петропавлов достал табачок из кожаного кисета и ловко скрутил на старый манер козью ножку. Стас принюхался, похвалил табак, но от предложения закурить решительно отказался:

– Не курю уже много лет. Здоровье, знаете ли, берегу.

– А я вот как с юности к дедовскому самосаду прикипел, так любые папиросы нынче кажутся слишком легкими, – отметил моряк.

Левон обратил внимание на зажигалку:

– Красивая. Махнемся, не глядя, а, капитан? Зачем тебе такая зажигалка к козьей ножке, к самосаду, а? – засмеялся официант.

Петропавлов прищурился от табачного дыма и как бы нехотя пробурчал:

– Это, товарищ дорогой, моя фронтовая любовь, можно сказать. На Эльбе сменял у одной «симпати-и-ишной» союзницы, – и он подмигнул.

– Ну-у-у, товарищ капитан, не прогадаете. Уж поверьте, – не отставал энергичный Левон.

– Смотря на что. Теоретически – может быть, хотя вряд ли.

Воскобойников внимательно посмотрел на зажигалку:

– Ого, правда американская. Это, Левон уважаемый, ZIPPO-й называется. Меняйся, Левон, не пожалеешь.

Левон картинно вытащил из внутреннего кармана пиджака мельхиоровый портсигар. На крышке портсигара красовалась большая, выпуклая, обрамленная виньетками цифра 12. Левон открыл портсигар и подал его моряку.

– Вы оцените, уважаемый. Шикарная вещь!

Анатолий подумал о времени и машинально посмотрел на часы. До прибытия на станцию назначения оставалось около полутора часов. Последние посетители покидали ресторан. Дверь открылась в очередной раз, Воскобойников учтиво посторонился, пропуская выходящих, и сам вошел в вагон-ресторан.

Эффектная женщина средних лет в платье цвета темное бордо, с цветком мака на плече, в сопровождении какого-то мужчины вышла из вагона-ресторана. Слегка подшофе, пропустив кавалера впереди себя, она вдруг остановилась рядом с Петропавловым. Опершись о его плечо, фривольно попросила прикурить. Тот было достал зажигалку, откинул крышечку и пару раз высек искру, но огня не было. Тогда мадам взяла зажигалку из его рук и, вызываяще глядя в глаза, прикурила сама. Тут же развернулась к нему спиной и, держа зажженную сигарету почти у самого уха, царственным жестом возвратила зажигалку через плечо и продефилировала дальше.

Через несколько минут Воскобойников вышел из ресторана:

– Сделано, готово, – проводник аккуратно нес четыре стакана с чаем и бутылку Дюшеса под мышкой.

Левон так же кланчил зажигалку, «которая не работает как надо», Стас выступал в качестве арбитра, а моряк не слишком уверенно отказывался от портсигара. Меняться Петропавлову хотелось не очень. «Ну не нужен был портсигар, пусть даже и красивый, тому, кто курит самосад». Увидев проводника, спорить перестали, пожали руки. Левон взялся было помогать, но Сахаров просто забрал бутылку, а проводник понес чай. У купе в коридоре всю компанию уже ждала Шурочка.

Майский вечер задувал в открытое окно запахи поздней весны. Пока пили чай, в сторону вагона-ресторана и почти сразу же обратно, покачиваясь, прошла женщина в бордовом платье. Она с видимым усилием несла в свой вагон очередные два стакана чая. Проходя мимо, чуть споткнувшись, она даже пролила чай. Со словами «пардон, товарищи дорогие» продолжила свой путь.

Все в купе прыснули, настолько это все выглядело забавно и одновременно нелепо. Почти сразу попрощавшись, убежал к своим корсарам Петропавлов.

Мерное позвякивание квартета ложечек в стаканах означало, что чай выпит. Пассажиры собрались в коридоре, все готовились к выходу из вагона. Пока Стас снимал чемоданы с полка, Сахаров собрался духом и, улучшив минуту, спросил Шуру будет ли она не против встретиться

на днях, погулять в парке, пойти в кино. Вышло неубедительно, коряво даже. Девушка на мгновение помедлила, как показалось Сахарову, обдумывая предложение, а после вежливо объяснила, что не свободна, «хотя рада их приятному знакомству». Толя улыбнулся, попытался сделать вид, что ему почти все равно. Но это тоже получилось неубедительно. Хорошо, что Стас вышел в коридор и, как бы невзначай, поставил между ними свой огромный чемодан.

Сахаров пытался отвлечься от мыслей о попутчице. Состав замедлял ход, уже виднелась станция Ярославль-главный. Анатолий посмотрел на часы, они показывали 20:25.

Спецвагон, 19:00

В дверь постучали. Три коротких стука через два длинных, опять три коротких. Сотрудники, удостоверившись через смотровое окно, что в тамбуре никого нет, осторожно открыли входную дверь. Перед дверью стоял поднос с тремя стаканами чая.

Станция Ярославль, 20:30

Вечерело. Состав медленно-медленно тянулся вдоль перрона. Из репродуктора доносилась знакомая мелодия. Бернес душевно пел: «...мы за мир, за дружбу, за улыбки милых, за сердечность встреч...». Но встречи никакой не было. Вернее, на станции царило какое-то странное оживление. Наконец поезд остановился. Только что прибывшие пассажиры заполняли перрон, постепенно загромождая его тюками и чемоданами. Безногий инвалид на низенькой тележке, с усилием загребая деревянными утюжками, катился по перрону вдоль состава. Из бокового кармана клетчатого, грязного и несоразмерно большого пиджака торчал бутылек «беленькой». На секунду возникший римский профиль калеки как-то совсем не вязался с тем жалким образом, который можно было себе представить для человека в его положении. Вероятно, это был один из первых пассажиров прибывшего поезда.

Вокруг нового здания вокзала¹¹ виднелись старые постройки: частью законсервированные, с забитыми окнами, частью – полуразрушенные. У одного из этих зданий буквально в нескольких десятках метров от железнодорожного полотна толпился народ. Некоторые из стоявших, видимо, только сошли с поезда. Рядом экскаватор с забранным под самое днище ковшом. Несколько милиционеров гуськом бежали по перрону. Еще несколько железнодорожников кричали что-то в сторону паровоза. На соседних путях состав с нефтяными цистернами двинулся, но тут же с лязгом остановился. Стало ясно – на станции только что произошло какое-то ЧП. Встречающих не было, и Сахаров направился к месту скопления людей.

Два милиционера орали на толпу, требуя, чтобы никто не приближался к зданию. Кто-то спешно отходил, но тут же появлялись все новые любопытствующие. Царила полная неразбериха. Подойдя поближе, Толя через головы зевак увидел обрушившуюся часть стены. Фундамент местами осел, и в образовавшемся котловане, зарывшись носом в строительный мусор, на боку лежал трактор. Его отвал¹² при падении уперся в разрушенные конструкции. Был слышен звук все еще работающего двигателя и скрежет механизма. Слетевшая левая гусеница дорожной вела от самого края обрушения к трактору.

Внезапно по громкой связи объявили о чрезвычайной ситуации, потребовали срочно, но организованно покинуть привокзальную площадь. В наступавших сумерках народ стал спешно расходиться. Подъехал грузовик, потом завели и экскаватор. Свет фар, направленный на оставшуюся часть стены, высветил нечто страшное. Молодой парень-тракторист, кажется, без сознания, лежал на дне котлована под завалами. Он попал под обрушение и, выпрыгивая из падающего трактора, видимо, провалился в подвальное помещение. Деревянные балки перекрытия, обломившись, упали вниз, прикрыв его шатром. Напоровшись на арматуру, он лежал на спине в какой-то луже. Полная картина открылась, когда лучи света осветили целиком весь дом. Примерно в двух-трех метрах над пострадавшим в проеме сложившихся, как карточный домик, этажей, зацепившись стабилизаторами угрожающе свисала... большая авиационная бомба. По краям котлована местами предательски струился песок. В любой момент все оседет и тогда...

На территории вокзала постепенно зажигались фонари. Паники и давки удалось избежать, за несколько минут площадь почти полностью опустела. Лишь несколько чемоданов и

¹¹ Новое пассажирское здание вокзала было построено в 1952 году. В годы войны станция Всполье была решающей для всего Северо-Западного направления. Она являлась распределительной для Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов. Отсюда отправлялись грузы для бойцов, защищавших обе столицы. Через Всполье вывозили жителей блокадного Ленинграда. Этот этап в истории вокзала отражен в романе «Два капитана».

¹² Отвал трактора – навесное оборудование для бульдозеров, автогрейдеров, погрузчиков, используемое для разработки грунтов, снегоуборочных работ и для других операций.

узлов темными пятнами остались лежать у последних вагонов пассажирского состава. Перед разрушенным домом стояли три милиционера, пожилой водитель грузовика и Сахаров. Молоденький лейтенант милиции лет двадцати дрожащим от волнения голосом потребовал, чтобы Сахаров срочно покинул территорию. Анатолий, не сводя глаз с бомбы, спокойно ответил:

– Это самое, нет тут территории, парень. Если эта штука взорвется – не будет ни вокзала, ни составов с нефтью, ничего в радиусе двух-трех сотен метров. Я как механик и бывший командир танка заявляю: если в ближайшие полчаса-час не предпринять срочных мер – трагедии не избежать. Я знаю, что говорю. Ты понимаешь?

– Что же делать, – лейтенант вдруг как-то сник, – мы знали о бомбе, и нач. станции, и руководство города. Саперов ждали буквально со дня на день. Они на учениях, а в области еще два похожих случая в эти же дни. Территория была огорожена, выставлен пост. При этом держали все пока в секрете, о таком решили не трубить на весь город, чтобы панику не создавать. Движение-то по всей железной дороге не закроешь на несколько дней. Сократили время остановок, убрали в депо все, что могли убрать, закрыли пару близлежащих магазинов и рынок у вокзала. Все, что могли, сделали. Наутро понедельника, как придут саперы, планировали эвакуацию жителей. А тут оказалось, кто-то распорядился – и милиционера убрали, а этого дурня отправили на работы у самой стены дома. И чем только думали?

– Когда завалился трактор? Сколько времени прошло? – спросил Сахаров.

Лейтенант только развел руками:

– Тридцать четвертый пассажирский был уже на подходе, когда это случилось. Ефимова – ну, начальника станции – найти не можем! Руководство города, вроде как, оповещают. Вокруг вокзала сейчас организуют оцепление силами милиции, но десять минут назад мало кто знал, что тут еще и бомба! И что она теперь...

Двое других служивых топтались в нерешительности, ожидая приказа старшего по званию. Сахаров уверенно продолжил объяснять:

– Моя фамилия Сахаров. Под мою ответственность заявляю при свидетелях, еще раз повторяю – времени нет. Решать нам!

Толя присел на корточки. Ноги не держали. Он вдруг почувствовал себя так же, как пятнадцать лет назад в бою под Ново-Буда. Тогда, под огнем вражеской пехоты, вылезая из подбитого танка, он должен был решать: выживать самому или вытаскивать из горящего танка раненого механика. Им обоим повезло. Если бы младший лейтенант Коля Кулиев не выкатил орудия своего взвода на открытую позицию и не отсек вражескую пехоту, не было бы сейчас на белом свете Анатолия Петровича Сахарова.

Он с усилием встал, взял лейтенанта под локоть:

– Составы на станции не двигать с места, население прилегающих кварталов срочно эвакуировать. Сколько, по-твоему, ждать саперов?

Лейтенант, выслушав его, вдруг пришел в себя и совершенно преобразился:

– Так, слушать мою команду.

Лейтенант повернулся к подчиненным.

– Сержант Сеницын, рядовой Пятаков, бегом в здание, если нач. станции Ефимов на месте – сообщить о бомбе. Если его нет, Сеницын, сам еще раз срочно звони в горсовет и в Управление¹³. Сообщи по форме, скажи, что я остался с двумя гражданскими специалистами непосредственно на месте. Да, оба поезда ни в коем случае не пытаться двигать, тяжелую технику на территорию не заводить! Объяснишь – тут здание оседает. Спроси о том, что делать, и скоро ли придут саперы. Пошел-пошел, давай! Да, у литерного вагона посмотрите, все ли в

¹³ 25 октября 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР». Органы МВД реорганизованы в управления (отделы) внутренних дел исполкомов Советов. Тем самым возрождалась система двойного подчинения: местным Советам и вышестоящим органам МВД.

порядке. Пятаков, крикни там, что ЧП, пусть тихо сидят. Найдите начальника поезда. Выполнять!

Он повернулся к Анатолию:

– Товарищ Сахаров, произведите визуальный осмотр здания по периметру. Доложите о выводах. Будем принимать решение о дальнейших действиях.

С прилегающих улиц доносился шум толпы, свистки. По всей видимости, началась эвакуация населения из жилых домов. Анатолий обошел здание, внимательно осматривая все, что еще можно было увидеть в наступившей темноте и в лучах фар. Вскоре Сахаров уже знакомил лейтенанта с первыми выводами.

– Это самое, бомба немецкая, фугасная, метра два с полтиной в длину. Светло-голубого цвета с желтой полосой на стабилизаторе. Диаметр стерва эта около полуметра. Значит, как я предполагаю, фугас где-то около тонны! Такая дура вообще чуть ли не весь квартал разнесет, а от станции останутся только воспоминания.

Лейтенант заметил:

– Не долетела несколько километров до ярославского автомобильного. Тут у нас в сорок третьем бомбежка страшная была¹⁴.

Тягостное ожидание закончилось, когда вернулись Синицин с Пятаковым:

– Товарищ Лейтенант, докладываю. Ефимова нигде нет. Здание вокзала полностью эвакуировано, включая технический персонал. По внешнему периметру – двойное оцепление силами дружинников и сотрудников ближайшего отделения. Доступ на территорию полностью закрыт. Сказали обходиться наличествующим составом. Там, как про бомбу узнали от зевак, начали эвакуировать население. А вообще, наверное, половина городского руководства на рыбалке, суббота же, вечер. Пока то-се... На площади кроме пьяного инвалида и нет никого. Я его погнал. Да, у вагона четырнадцать «А» спокойно. Машинисты и какая-то часть поездной бригады покинули состав, вышли за периметр оцепления. Остались ли пассажиры в самих вагонах – вряд ли. Проводники одни. В Управлении сказали, что через час-два эвакуация закончится, ну а саперы будут только под утро. Приказали пытаться оказать первую помощь пострадавшему, медиков уже вызвали.

– Нельзя сюда никому, – повторил Сахаров.

Лейтенант распорядился:

– Так, Синицын, Пятаков, приказываю выставить охранение у литерного вагона с обеих сторон состава в пределах обоюдной видимости. Еще из оцепления одного с собой возьмете. Что бы ни происходило – до моего личного указания от вагона ни ногой. Даже ссать и срать – и то на месте. Выполнять! В смысле – в охранение.

Он нервно улыбнулся. Невольная грубоватая шутка немного сняла напряжение.

– Есть! – милиционеры спешно направились в сторону состава.

Лейтенант сосредоточенно продолжал:

– Мы с вами, товарищ Сахаров, попробуем вытащить пострадавшего.

– А мне-то что делать? Мальчонку жалко, – напомнил о себе стоявший рядом пожилой водитель ЗИС-а.

– А вы не уходите, пожалуйста, товарищ. Ждите указаний. По ситуации.

– Ну, я тут и есть. Покурю тогда, – и старик присел на подножку автомобиля. Что-то бормоча себе под нос, спокойно закурил.

¹⁴ Сильнейший за всю войну авианалёт на Ярославскую область начался 9 июня 1943 года около полуночи. Он продолжался полтора часа. За это время на Ярославль бомбардировщики «Юнкерс» и «Хейнкель» (от 58 до 109 машин по разным источникам) сбросили 1766 авиабомб общим весом 190 тонн, из них 416 (по другому источнику – 342) фугасных, а 1350 (по другому источнику – 1100) зажигательных.

Лейтенант и Сахаров осторожно полезли в котлован. И тут духоту прорвало, начался сильный дождь, вспыхнула близкая молния, раскатисто шарахнул гром. Шел оползень котлована, пришлось отказаться от немедленных действий и не спускаться на самое дно. Решили подползти к краю, ограничиться детальным осмотром.

– Это – песочные часы. Время вскоре закончится, и понять не успеем, – просипел лейтенант.

Возможно от раската грома, тракторист внизу пришел в себя и громко застонал. Из его левого бока торчал металлический штырь. Через мгновение парень повернул голову и вновь потерял сознание. Было очевидно – долго не протянет. Если срочно не доставить в больницу – умрет до приезда саперов. Дай бог, чтобы успели... Толя попытался в темноте рассмотреть лицо. Оно показалось знакомым. Он где-то его сегодня видел. Мелькнула мысль: «нет, невозможно. Показалось». Сахаров представил, как стало страшно пришедшему в себя на какое-то мгновение парнишке. Одной лишь тени сознания достаточно, чтобы почувствовать близость смерти и абсолютное собственное бессилие перед ее властью, безграничной и безразличной холодной мощью.

Сейчас Толя не думал о своих любимых книгах и механизмах. Его не мучил и всегдашний утомительный вопрос «что есть жизнь», он лишь видел беззащитного хрупкого человека, только начинающего жить.

Я чайка

Его крылья уверенно резали потоки воздуха...

Сахаров подумал: «интересно, какая я теперь чайка. Наверное, речная. Седая чайка – да. Есть же такая. И я тоже седой почти». Вдали горят на солнце купола все еще не до конца разрушенных церквей. Кружу высоко над стеклянной от солнца Волгой, а вон и Ока – сестричка ее. Уже чуть подернуло осенним цветом леса, еще не холодно, но уже закурились дымки из отдельных труб. Как свободно, как стремительно, как легко, вот она – жизнь, Господи мой Боже! Да, тут можно свободно вспомнить о нем – никто внизу не услышит. Я высоко-о-о-о!!!

Внизу мальчишки слышали пронзительный крик одинокой седой чайки, парящей над куполом Строгановского храма.

«Хочется есть. Только что рыба была в моем клюве. Упустил ее или, теперь получается, что себя же и упустил... А то бы пришлось сейчас в собственном брюхе изображать какого-нибудь глиста». Улыбнуться не получилось, все же клюв – это вам не рот.

А как это – быть чайкой, сидящей на воде? К рыбе-то поближе. И Сахаров полетел к реке.

Как хорошо качаться на воде. Вот вижу над водой странное облако черного дыма. За ним проступают контуры огромной белой птицы. Она тоже плывет по реке, и вот вдруг заревела во все свое горло, подняв стаю перепуганных уток из прибрежных камышей. Так это же мой пароход! Смотрю на селезня – какой красавец. Я вот не такой красивый, вернее, совсем уж не красивый. С моим-то ранением в брюхо. А его перышки – одно к другому, одно к другому – иссиня-зеленые, с полосой подле шейки, отливают перламутром на осеннем солнышке.

Шурх-шурх-шурх – зашелестели в такт утиные крылья. Побуду уткой.

Я утка

Нет, конечно, лучше стану селезнем; ну сами понимаете – дело какое. А у нас тут целая стайка оказывается. Поднялись над камышами, вытянулись в струнку, низко летим над водой – радостно так, против солнца. Пароход уж близко. Минута-другая – и поравняемся.

Одновременно залаяли псы и грянули два выстрела. Ту утку, что летела справа, подбросило, и тут же бедняжка ухнула камнем вниз. То охотники из ружей палят, а уже по самой кромке воды, все ближе к камышам, за добычей, упавшей в реку, бегут собаки.

– Вот тебе, бабка, и Юрьев день! Ну-ка, что там этот спаниель, а может, легавая какая – черт их разберет, куда бежит? Что глаз его видит, да зуб неймет? Что-то меня на поговорки потянуло. Кажется, и обгадился с перепугу, тоже по-утиному. А интересно побыть собакой. Уткой – чего доброго подстрелят.

Быть или не быть?

Сахаров точно знал, что чувствует раненый, знал и что надо делать для его спасения. Дождаться саперов не имело смысла. По ощущениям, конструкция очень медленно, но неумолимо «плыла» в сторону. По крайней мере, так это виделось в свете фар под проливным дождем в уже наступившей темноте.

Они с лейтенантом осторожно отползли назад. Толя предложил:

– Это самое, нужно усилить, подпереть эту «кучу малу», не дать ей сложиться. Думаю, что стрела экскаватора и ковш как раз подойдут. Во-от в этом месте, в качестве подпорки. – Толя указал на нужную точку, – но это, конечно, если хватит длины стрелы. Похоже, должно хватить.

Лейтенант слушал предельно внимательно. Ладонью он инстинктивно то сдвигал, то отпускал собственное горло. Этот человек уже не походил на зеленого лейтенантика, заступившего два часа назад на пост и охрану прибывающего литерного. Сахаров чувствовал, что лейтенант не отойдет в сторону, не станет, ничего не предпринимая, ожидать неминуемой развязки, просто не сможет запретить саму попытку спасти чью-то жизнь. Анатолий видел, как посуровело лицо молоденького милиционера:

– Иного выхода не вижу, попытаемся. После можно будет аккуратно вытащить парня. Вдвоем справимся, он, вроде, не здоровяк. Как думаешь, а?

Анатолий кивнул. Не спуская глаз с бомбы, уверенно заявил:

– Точно фугас. Они все толстостенные. Есть усиливающее кольцо в головной части. Механический взрыватель расположен на боку, и это хорошо. Если бомба будет и дальше опускаться медленно, то при слабом соприкосновении с поверхностью земли взрыва может и не быть. Она ведь и от удара когда-то не взорвалась.¹⁵

Лейтенант молчал, вероятно, оценивая все «за» и «против». После короткой паузы Анатолий продолжал:

– Я вот что... попытаюсь насыпать горку песка на дно котлована как можно ближе к месту, где сейчас лежит тракторист. Песок вот тут, в углу здания есть. Это на случай, если бомба упадет с небольшой высоты. Тогда есть вероятность – зарывшись в песок, не взорвется. Пусть старик осторожно на пару-тройку метров подаст грузовик вперед. Во-о-н с той стороны подсветит фарами.

После секундной паузы лейтенант согласился:

– Сахаров, действуем, как оговорено!

«И кто сказал, что майский дождь теплый? Этот ливень – он такой холодный». И Толя снова вспомнил то замечательное сентябрьское утро пятьдесят седьмого года.

¹⁵ Этот тип немецкой фугасной авиабомбы использовался для преодоления препятствий типа межэтажных перекрытий зданий и сооружений особо прочных целей (плотин, железобетонных складов вооружения, стоянок техники). Отличались более массивной и прочной головной частью, большой толщиной корпуса и отсутствием запального стакана и головного очка под взрыватель.

Я собака

Вода холодная уже... Ну что за жизнь такая моя собачья. Вся морда в тине, а хозяин свистит, надрывается, сердешный:

– Ату его, ату, Аян! Давай, ату!!!

Ага, а мне-то слышится – «Ату его, Толян». Чую все – отдельной плотной струйкой исходит от камышей утиный дух. Чую и саму утку уже, чего орать-то так, хозяи-и-ин!

– Еу-у-у, – и басовито залаял, – Гаф-ф-гаф!

Но не думаю уж ни о чем ином, только вперед, только успеть, только угодить хозяину. Вода в пасть, лягушонок еще не заснул на зиму – тьфу тебя, дурак. Вот она, уточка. Фрр-фрр-фрр, загребая лапами к берегу. Хозяин улыбается, треплет за шею, мне приятно. Чую все. Чую. Только красного цвета теперь нет совсем в этом мире. Ну и что – пустяки какие, счастье-то какое, счастье – вот оно, в моем носу от хозяйкой руки только-то и рождается.

Вот уж мы и дома. Вьюсь у ног, заглядываю в глаза, а меня раз – и за ограду, да на замок. Никуда не пускают.

А вот котофеич на окне сидит, зараза подлая. Улыбается да посмеивается. Что видит такое особенное? Ну-ка, и я посмотрю.

Я кот

Теперь «подлая зараза» – эт я. Батюшки-светы! Какие-то непривычные у меня лапы, но как приятно делать то, что хочешь. Никто мне теперь не указ. А этот-то, этот прихвостень, раб вислоухий, так и заливаётся за оградой. Ну его.

От меня человеку огромная польза есть, хоть я и не раб. Человеку оно что надо? Правильно – покой ему нужен и уют, и... свобода. Это как раз по нашей – котовской – части. Вот я хожу, где хочу и когда хочу. И никто не вздумает мной командовать. Как приятно мне сейчас, спрыгну-ка я вниз, да как заору: «Главный инженер – идиот! Мяаууу! Главный бухгалтер – вор! План не выполняем много лет, и все – вранье!» Что хочу, то и буду говорить. Теперь мне все можно. Свобода!

– Что воешь, bestия уса́тая, – хозяин поддал коту Сахарову под хвост тапком да захлопнул дверь. Оскорблено дергая хвостом, Анатолий вышел во двор. Странно, но ему жутко захотелось курить.

Какой воздух, какая благодать. Трухлявый запах дровника, под верандой сыро и замечательно пахнет мышами, а это изысканное амбре от светло-коричневой промасленной бумаги, в которую некогда были завернуты куриные потрошки. Мое царство-государство. Только мое.

– Стоп-стоп. Толя, не увлекайся так. Я не кот, я просто исследователь «Жизни или смерти, борьбы или дружбы, жертвенности или равнодушия», – вспомнил котофеич.

Наверху слышен шум, топот. Хозяин что-то орет про свой законный выходной. Хозяйка же гнусавит про загубленную молодость. Вдруг – бум, ттрренек, брренек. Звук разбитого стекла. Толя стремглав из-под веранды молнией мягко вскочил на перила. Что там? Утиная голова вопросительной полуулыбкой застряла в разбитом окне хозяйской спальни. Кусок расколотенного стекла выпал из окна прямо на траву. Подошел, понюхал... Сквозь стекло увидел пару несчастных муравьев, придавленных плашмя упавшим на траву осколком. Живы, кажется, еще. Толя попробовал отодвинуть стекло лапкой...

– Ой, порезался, твою ж майю, – вырвалось, но муравьишки зато вылезли, потерлись усиками. Подняв головы, крикнули Толе: «Спасибо!» – да и поковыляли себе в разные стороны.

«Ну вот, а говорят, что бесполезное животное», – подумал человек-кот, облизывая лапку.

Вечерело. И он вдруг осознал, что прошел почти весь день. Пора было отправляться домой. Но как? До дома верст десять, и, как назло, вокруг не было ни единой птицы. Птицей – оно сподручнее бы сейчас...

Когда он вышел на дорогу, окончательно стемнело. Предстоял путь через весь город, но там... собаки. Толя решил пройти напрямки, через колхозные поля. Так и короче, и безопаснее.

«Зато вижу в темноте! Все замечаю: сапоги, пустые бутылки, мерзкие лужи машинного масла, колеса автомобилей, окурки, окурки, еще окурки, а вон телега со старым полуслепым владимирским тяжеловозом. Вот уж в его шкуру влезть точно не хочется. Какой-то пацан у клуба попытался меня погладить, только не до того мне, улизнул. Бабка на углу «Промторга» пробовала пнуть меня ногой! Хорошо, что не попала, ведьма старая.

Вот и добрался почти! Но тут-то и наткнулся на стаю бездомных собак. Думать некогда, побежал, что есть мочи. Задерут, не ровен час, оглянуться не успею! Беда!»

Вот это был бы гром...

В кабине экскаватора уже ни о чем не думалось. Стало почему-то холодно, но по спине потекла струйка пота. Анатолий предельно аккуратно, без рывков, подвинул экскаватор к обрушенной стене. Будто отговаривая Сахарова, дождь хлестал по лобовому стеклу, выбивая ритм. Всполох молнии разделил небо надвое. И опять в голове возникли слова:

*Если бы парни всей земли
Хором бы песню одну завели,
Вот было б здорово,
Вот это был бы гром...*

Тут и впрямь грянул гром. Песня перестала звучать, остался лишь ее ритм, он кровью стучал в висках. Буквально сантиметр за сантиметром Анатолий опускал ковш в нужную точку: до упора вниз, слегка левее и вперед. Так. Еще. Еще. Готово. Никто не обращал внимания на ливень. Лейтенант стоял, застыв, как изваяние. Старик-водитель все еще сидел на подножке грузовика, от ужаса обхватив голову руками, намочшая папироска давно погасла.

Через несколько минут Сахаров и Лейтенант уже вытаскивали пострадавшего. Старик принимал наверху. Парня аккуратно поместили в кабину.

– Так это же Женька Погорелов, – воскликнул старик, – пасынок Ефимова Геннадия, начальника станции. Что тут в субботу да еще в конце дня можно было ворошить-то?

Неожиданно возник другой вопрос. Никто не подумал, что, отправляя грузовик с раненым, они на время лишаются важного источника освещения. Вернется ли машина? Пропустят ли ее назад через оцепление? Но водитель уверенно пообещал сразу после больницы – назад.

Грузовик с пострадавшим уехал. Анатолий опять залез в кабину экскаватора. Минуты ожидания тянулись и тянулись. Наконец они услышали, что ЗИС возвращается. Лучи фар скользнули по привокзальной площади. И тут произошло самое плохое. Возможно, из-за движения тяжелого грузовика или из-за оползня грунта, но оставшаяся часть стены стала рушиться на глазах. Стоявший под наклоном экскаватор, принимая на себя все увеличивающийся вес обрушающихся конструкций, наклонился еще больше... Последнее, что увидел Анатолий – падающие деревянные перекрытия остатков второго этажа. Они стали сыпаться вниз крест-накрест и дальше – во все стороны со стрелы экскаватора. И вот раскачивающаяся в свете фар огромная авиабомба соскочила и медленно-медленно не покатилась, но бочком-бочком заскользила по паре деревянных балок – как по рельсам, сдерживаемая лишь стрелой крана. Эти мгновения спрессовались для Анатолия в какую-то тяжелую тягучую массу почему-то темно-бордового времени, которое все никак не кончалось. Анатолий, стараясь хотя бы уменьшить наклон упавших балок, рефлекторно повел стрелу дальше и еще дальше... Достигнув земли, фугас каким-то чудом остановился в узком коридоре между конструкциями. В этот момент экскаватор перешел допустимую точку наклона и... опрокинулся вниз.

Странная встреча

Духота и редкие крупные капли уже предвещали грозу. Человек в длинном плаще, накинув капюшон, стоял на подножке вагона. Приподнимаясь на носках, он высматривал, что же там происходит у полуразрушенного дома? Снизу потянуло табачным дымом, человек посмотрел под ноги и раздраженно спросил:

– А-а, юродивый ты наш, как доехал? Что делаешь тут, прямо у вагона?

Инвалид на каталке курил у самых вагонных ступенек. Он сплюнул сквозь зубы и ответил:

– Да доехал твоими молитвами, игрок. Ты работу сделал, пинчер¹⁶? Небось давно уже герой поц-соревнования, или как там у вас положено? И что с народом, в вагонах пусто?

– Сделал, как договаривались. Он уж знает. Пассажиры вроде как вышли, а проводники должны быть на местах. Вот дождь начинается, – тяжелая капля упала на кончик дымящейся папироски. – Так что ты тут делаешь, как тебя там?.. Хотя меня это не касается. В расчёте мы теперь, должок я отдал, так и передай. Знать ничего не знаю боле, и чтоб я тебя не видел никогда, огрызок.

– Чо ты мне тут жопку-то морщишь¹⁷. А будешь...

Прозвучало объявление об эвакуации. Полуразрушенное здание осветилось, и через несколько секунд народ, спокойно направлявшийся к выходу, вдруг побежал. В беспорядке, на грани паники, роняя поклажу, люди затолпились у входных дверей вокзального здания. Кто моложе даже перепрыгивал через низкое ограждение, сразу попадая на улицу.

– Что-то странное происходит, – пробурчал «плащ», – сейчас выясним.

– А у меня после твоих выяснений от чайка в горле не запершит? Иди в тамбур и оттуда паси поляну¹⁸, плывун¹⁹... – калека сплюнул в сторону вагона, криво усмехнулся и покатил себе вдоль состава, резво отталкиваясь утюжками.

Встревоженная происходящим поездная бригада, не понимая, что именно случилось, не решалась покинуть поезд. Такого приказа не было.

Человек в плаще еще раз оглядел тускло освещаемую десятком фонарей опустевшую площадь и перрон. Проводники из соседних вагонов ему махали, что-то кричали. Еще через несколько минут многие увидели, как два милиционера побежали к зданию вокзала. За ними, тщето сисясь догнать, уточкой семенил пожилой начальник поезда.

¹⁶ Пинчер – грубая форма определения нетрадиционной ориентации мужчины.

¹⁷ Морщить жопку – выражать недовольство.

¹⁸ Паси поляну – стоять на стреме.

¹⁹ Плывун – человек, выдающий себя за кого-то другого.

В поезде, во время эвакуации

Шура замешкалась с выходом из вагона из-за тяжеленного чемодана Стаса. Толчинский помог Шуре сойти на перрон, и новые знакомые несколько натянуто, но любезно попрощались. Девушка зашагала вдоль состава. Стас не пытался ее догнать, но на какое-то время остался стоять у вагона, видимо, в ожидании начальника станции. Стас наблюдал за тем, что происходило в отдалении у полуразрушенного дома.

В вагоне-ресторане, прильнув к окнам, стояли оба официанта. На перроне только-только зажигались редкие фонари. Левон, как обычно, натирал полотенцем давно уже сухой стакан. Прозвучало объявление по вокзалу о чрезвычайной ситуации. Официанты переглянулись и, не говоря ни слова, пошли к выходу. Сойдя на перрон, сразу же обратили внимание на инвалида. Он катился вдоль поезда по направлению к голове состава. Рыбальченко встал у самого литерного и закурил. Левон же, вернувшись назад и пройдя через соседний вагон, вдруг встретил Воскобойникова. Тот появился из своего купе: вроде как собирался идти в другой вагон. Они обменялись парой фраз о происходящем. Левон не спеша вышел на перрон через тамбур одиннадцатого вагона. Потом он опять вернулся, постояв несколько минут на ступенях вагона, покрутил в руках полотенце, помахал им Рыбальченко и отправился назад. Еле увернувшись от летевшей прямо в лоб двери, он нос к носу столкнулся с Шурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.